

**Живые, не забывайте нас
(фрагменты)**

5

Сахарный завод, куда направились Венера и Клара, находился в трёх километрах от центра станицы. Он почти полностью был разрушен. Фашисты восстановили только ремонтные мастерские. На территории предприятия расположились фашистские солдаты. Под деревьями и около зданий стояли замаскированные автомашины и пушки.

К центральным воротам завода от железнодорожного переезда протянулась грейдерская дорога, зажатая с двух сторон стройными тополями.

Такая же красивая аллея вела и к двухэтажному каменному зданию, бывшему рабочему клубу. Здесь разместился госпиталь. В зрительном зале, фойе и на сцене стояли кровати, тумбочки, табуретки и стулья. Помещение было переполнено больными гитлеровцами.

Рядом с кинобудкой, в маленькой комнатухе, жили рабочие столовой – Виктор Тихонов и Николай Бобриков.

У входа в помещение стоял немец. Девушки обратились к нему. Он понял их просьбу, ушёл за Виктором. Через некоторое время отворилась дверь и на пороге появился мальчишка в кирзовых сапогах, в старых солдатских брюках. Его худое, длинное тело обтягивала вылинявшая тельняшка. Рукава у неё были обрезаны выше локтя. Наверное, не один год она верно служит ему. Видно, парень любит море, мечтает о дальних плаваниях, живёт думами о морских просторах, что даже в такой жаркий день не расстается с любимой тельняшкой. На его скуластом лице выделялся ровный нос. Коротко подстриженные волосы торчали, как у ежа иголки. Он удивлённо посмотрел на девчат.

– Кому потребовалась морская душа?

– Нам.

– Приветствую сухопутных. Что вам угодно от меня?

– Не узнаёшь старых друзей? Наверное, жара подействовала на твою память? – нарочно громко спросила Венера и тут же почти шёпотом, чтобы только он услышал, добавила: – Нам надо поговорить с тобой, пойдём дальше, а то нас могут подслушать.

Они отошли к деревьям, сели в тени. Венера рассказала о военнопленных, о дедушке, о письме. Затем поправила косы и незаметно вытащила записку.

– Прочти и порви. О ней никто не должен знать.

Его тонкие пальцы поспешно развернули бумажку. Две узкие ленточки бровей потянулись к переносице. Виктор прикусил нижнюю губу, стараясь сдержать слёзы. Шмыгнул носом.

– Прощай, дедушка Афанасий. Я отомщу... – мальчик стал рвать записку на мелкие кусочки. – Как же это случилось? Он всегда работал осторожно, один. Иногда брал меня с собой. Значит, случайность или...кто-то выдал. Он иногда уходил к какому-то коллеге.

Вдруг Виктор внимательно посмотрел на Венеру. «А не провокация ли это? Я же выдал себя и товарищей. Но записка-то от дедушки. Почерк я его знаю... А кто эти девочки?» думал он.

– Где-то видел тебя, фамилия твоя какая? – стараясь быть спокойным, спросил Виктор.

– Моя? Павленко Венера.

– Венера? Вот неожиданная встреча! Теперь вспомнил, где я тебя видел. В заводском клубе ты пела и танцевала. Я смотрю: знакомое лицо, а где видел – не помню.

Все подозрения у Виктора мигом рассеялись. Он стал чувствовать себя как среди близких друзей. Беседа пошла более оживлённо.

– Виктор, ты что, из Ленинграда? – поинтересовалась Венера.

– Да. Отец в армию ушёл. Мать со мной решила эвакуироваться на Кавказ. Но под Ростовом наш эшелон разбомбили фашисты. Из горевших вагонов народ высыпал кто куда. А фашистские гады с брющего полёта по бегущим как застрочат.

Моей матери, которая рядом со мной была, не оказалось. Стал её звать, но разве в бегущей испуганной толпе увидишь её. Решил ждать. Перед вечером ко мне подошёл дедушка Афанасий. Он оказался тоже из Ленинграда, на Кировском заводе работал. Мы с ним добрались до Кореновской. Дальше решили не идти. Устроились работать на сахарном... Я часто ходил по станице, думал, маму встречу, но не встретил...

Виктор замолчал, опустил голову, задумался...

Теперь Витя остался совсем один. После войны он обязательно разыщет внуков дедушки Афанасия и расскажет им, как дедушка и он вывели из строя пять автомашин, подожгли склад, отравили троих фашистов. Дедушка говорил, что здесь тоже фронт и каждый советский человек – солдат этого фронта. Врагов уничтожать надо!

Виктор уже выполнил поручение дедушки: достал два автомата, один пистолет, одну винтовку и два диска с патронами. Оружие он должен переправить Ивану Дмитриевичу, для партизан...

6

...

У калитки стояла девушка лет шестнадцати. Прихрамывая на левую ногу, она пошла навстречу Венере.

– Ба, знакомые лица! Откуда бежишь?

Подруги поздоровались. Давно они не виделись. Но эта встреча не радовала Венеру. Она торопилась.

– Какой-то иуда хотел отнять отцовские штаны и рубашку. Носила продавать, – пожаловалась Венера, заворачивая рубашку.

– Высокий, в синей фуражке? – спросила подруга.

– Да.

– Это же полицай. До прихода немцев работал на сахарном заводе. Удивляюсь, как он не отобрал вещи да не избил тебя. Сегодня он такой злой.

– Почему? Опять, наверное, партизаны кто-то убили?

– Нет. Наоборот, поймал ленинградского партизана. Его сейчас на линейке два полицая повезли в сторону сахарного завода, в жандармерию привозили.

– Где же его поймали? – поинтересовалась Венера, и какое-то тревожное предчувствие зародилось в её душе.

– Говорят, хотел солдат отравить, которые в госпитале лечатся...

Венера почувствовала, как у неё загорелись щёки.

– Мне некогда. До свидания. Встретимся ещё, поговорим, – махнула рукой и побежала, оставив удивлённую подругу, от которой не ускользнули волнение и растерянность Венеры.

«Где может быть Венера? Где? Уже давно пора ей вернуться от Лидии Ивановны, – обеспокоенно расхаживая по двору, спрашивала себя Клара. – Говорила же – давай

пойдём вместе. Так нет, не согласилась. «Одной безопаснее». Вот тебе и безопаснее. Куда теперь идти? Где искать? Пойду-ка я к учительнице.»

Кто-то стукнул калиткой. Клара вздрогнула, положила на ступеньку крыльца вышиванье, кинулась навстречу.

Венера одной рукой прижимала к груди узелок, другой – вытирала мокрое, покрасневшее лицо. Волосы растрепались, прилипли к вспотевшему лбу. Тапочки и ноги припудрены серой пылью.

– Что случилось? Говори скорее. Почему плачешь? – Клара взяла узелок, вытерла слезы подружки. – Не мучай, рассказывай скорее.

– Только что расстреляли Виктора.

– Виктора?! Не может быть.

– Я сама видела... Подбегаю к переезду, смотрю, недалеко от железной дороги, около тополей, стоит Виктор с лопатой в руках. Я сразу узнала его по тельняшке.

У железнодорожной будки пожилая женщина, вытирая слёзы подолом, сказала: «Для себя могилу роет...»

К Виктору подошёл гитлеровец, заглянул в яму.

– Рой быстрее! Нечего по сторонам смотреть!

– А мне спешить некуда.

Виктор вылез из ямы, посмотрел на чистое небо, с силой воткнул лопату в насыпанную им землю, достал из кармана брюк бумажник и стал спокойно рвать деньги и письмо, не отосланное домой в Ленинград.

– Стреляйте, гады ползучие!

Фашист вскинул автомат, не целясь застрочил.

Виктор ухватился за лопату, оперся, поднял голову:

– Всех большевиков нее перестреляете! Победа будет за нами!

Гитлеровец ещё дал очередь. Виктор как-то неестественно запрокинул голову вверх, потом широко открытыми глазами посмотрел в нашу сторону:

– Люди, уничтожайте фашистов! Прощайте!

Рядом стоял полицейский. Вдруг он выхватил пашку из ножен и ударил Виктора по голове. Я от испуга вскрикнула. Женщина обняла меня, прижала к груди и тихо ответила Виктору: «Прощай, сыночек, прощай».

Сейчас в городском сквере высится обелиск, увенчанный красной звездой. На нём золотом написано: «Вечная слава павшим в боях за нашу Родину, замученным и расстрелянным фашистами в период вражеской оккупации Кореновского района с 6.8.1942 г. По 6.2.1943 г. Здесь захоронены тт.: Бувальцев Иван Дмитриевич, Павленко Венера, Навальнева Клара, Тихонов Виктор... Вечная им слава!»

Публикуется по: Лотышев И. Живые, не забывайте нас // Помни их имена /Под ред. В. И. Духно. – Краснодар: Краснодарское книжное издательство, Краснодар. – С. 84 – 94.